

М. А. ИНОСТРАНЦЕВ

<«...На Колчаке, как на чрезвычайно нервном человеке, весьма быстро отражались всякие неприятности и заботы...»>

Бандидо-Хамбо-Лама¹, как почти все монголы, носил и бороду, и усы, но и те, и другая² были настолько редкими, что получалось впечатление, что их нет. Несмотря на узкие, прищуренные глазки, лицо его производило, впрочем, довольно приятное впечатление. При входе Верховного правителя он, приложив обе ладони сначала ко лбу, а потом к груди, поклонился в пояс и начал говорить на своем гортанном наречии приветствие. Последнее было довольно продолжительным и, видимо, преисполнено восточным красноречием. Окончив приветствие, он обратился к переводчику, и тот перевел его на русский язык, после чего Бандидо-Хамбо-Лама взял у него какой-то пакет и, развернув его, преподнес Верховному правителю свой подарок, оказавшийся довольно большим голубым шелковым платком. Конечно, было странно видеть подобный подарок, преподносимый такому высокому лицу и притом мужчине, но потом выяснилось, что платок и именно голубой есть у монголов знак высшего расположения и показатель глубокого почтения и преданности.

Тогда обратился с приветствием к гостю Колчак и в кратких, но выразительных словах высказал, что ему приятно видеть у себя главу ламайского духовенства и притом известного своею любовью и преданностью России, что он просит его передать и монгольскому народу, что Россия всегда считала монголов своими друзьями и готова помогать им, в чем будет в силах. После этого слова адмирал взял у генерала Мартыанова ящичек с орденом Св. Анны и, раскрыв его, передал его изумленному гостю. Один из адъютантов немедленно же вынул ленту и звезду и надел их на детски счастливого ламайского

первосвященника. Вслед за этим ему был передан и патент на орден и портрет Колчака. Бандидо-Хамбо-Лама был до того обрадован и поражен этою наградой, что тотчас же нагнулся и пытался, забыв свое высокое положение, поцеловать Колчаку руку.

Этот инцидент нарушил было немного торжественность церемонии, но Колчак, желая замять его, обратился с вопросом к Бандидо-Хамбо-Ламе о состоянии Урянхайского края, о том, долго ли он намерен пробыть в Омске и т. д. На этом разговор и аудиенция были окончены, и гость собирался было уже уходить и откланяться Верховному правителю, как вдруг обратился к переводчику и снова сказал ему несколько слов. Переводчик, улыбнувшись, сказал что-то дежурному адъютанту, а тот тихо доложил Колчаку. Адмирал утвердительно кивнул головой, и Бандидо-Хамбо-Лама с тем же церемониалом простился и уехал в отведенный ему вагон. Мы все вошли в кабинет Верховного правителя, и здесь сам Колчак объяснил секретный разговор через переводчика.

— Вы знаете, — сказал он, — ему, видимо, ордена показалось мало, и он просил меня сделать ему еще подарок и, как вы думаете, что? — Видя наше недоумение, он весело засмеялся и продолжал:

— Он просил меня подарить ему моторную лодку, чтобы кататься по Енисею.

Я обещал прислать, ведь, в сущности, это дитя природы, а посмотрите, хочет уже иметь моторную лодку, значит, имеет о ней понятие.

Простодушие, вместе с азиатской хитростью и склонностью выпрашивать — как-то вместе уживаются. <...>

В это время из кабинета Верховного правителя вышел после доклада кто-то из министров, и дежурный адъютант пригласил нас к Колчаку. Когда мы вошли в кабинет, то меня поразило, как сильно изменился адмирал за те несколько дней, что я его не видел. Он сильно осунулся, а в глазах его, как бы несколько потухших, отражалась, видимо, гнетущая его забота. Впоследствии я окончательно убедился, что на Колчаке, как на чрезвычайно нервном человеке, весьма быстро отражались всякие неприятности и заботы и, притом, отражались, прежде всего, на его внешнем облике. <...>

Из этого доклада и рассказа Бурлина нам сразу же стало ясно, что Гайда был способным военачальником, выработавшимся в условиях гражданской войны со всем, присущим этого рода войне, своеобразным масштабом, критерием и даже своеобразною идеологией.

Так, он считал, как говорили, свою армию, правда, им почти и сформированную, обученную и снабженную, — своею собственностью, как бы своим вторым «Я», и потому относился крайне болезненно ко всяким изменениям в ее организации, составе и снабжении.

Исходя из этого, он будто бы не хотел делиться военной добычей с другими армиями, хотя бы эта добыча и состояла из продовольствия и боевых запасов, и в особенности яростно противился всяким выделениям частей из его армии в другие. Это он принимал почти за личное оскорбление и в этом отношении бывал почти непримирим, доходя порою до полного ослушания. Неоднократно вызывал его к себе Колчак, происходили бурные сцены между Верховным главнокомандующим и его подчиненным, причем первый в минуты раздражения стучал кулаком по столу и раз даже, будто бы, сбросил стакан чаю на пол, но и Гайда не оставался в долгу, и, как рассказывали, однажды между ними произошел такой приблизительно диалог.

— Вы не годитесь в командующие армией, — кричал Колчак, — более того, вы не годитесь быть и простым офицером, у вас нет не только необходимых знаний, но у вас нет и необходимого военного воспитания... да и откуда им быть у вас, когда вы по специальности военный фармацевт австрийской армии.

— Вероятно, господин адмирал, у меня есть и то, и другое, — отвечал несмутившийся Гайда, — иначе бы я не попал из фармацевтов австрийской армии в русские генерал-лейтенанты, не освободил бы половины Сибирского пути от большевиков, не взял бы Иркутска и, наконец, не привел бы армию к Каме, имея ордена Святого Георгия 4-й и 3-й степеней, вами же мне данные. Да, наконец, если бы у меня и не было того, о чем вы говорите, то это и не нужно. Ведь вот — вы. Вы по специальности — морской офицер, откуда же у вас быть высоким знаниям и опыту, необходимым для Верховного правителя, да еще такой громадной страны, как Россия, а, однако же, вы им состоите!

Несмотря на некоторые упомянутые недостатки Гайды как военнослужащего, а, в особенности, как высокого начальника, было ясно, что он имел решительность и большую силу воли, имел правильный, природный военный глазомер и был человеком, бесспорно, умевшим владеть массами, импонировавшим им и, потому, чрезвычайно популярным среди войск...

Мы поздоровались, и генерал Дитерихс, как старший, первый обратился к Гайде.

— Братше Гайда, — сказал по обычаю чешских легионеров на «ты» генерал Дитерихс, — ты, конечно, знаешь, по какому делу мы трое прибыли к тебе. Ты совершил тяжкий для всякого военнослужащего, а, тем более, для генерала и Командующего армией, проступок, за который, собственно говоря, как ты прекрасно знаешь, должен понести по военным законам, весьма строгое наказание. Однако, Верховный

правитель, во внимание к твоей предшествующей блестящей службе, решил не сразу давать делу законный ход, а поручил нам троим опросить тебя с целью выяснить, какого рода мотивы толкнули тебя на твой, скажу откровенно, легкомысленный и необдуманный шаг, и почему, собственно, ты отправил свою злополучную телеграмму не непосредственно самому Верховному правителю, что было бы, конечно, также проступком, но гораздо меньшим, чем тот, который сделал ты. Расскажи нам совершенно откровенно, чем ты руководствовался, заявляя, в сущности, публично, что совместно с генералом Лебедевым ты служить не можешь.

Гайда выслушал все это с нескрываемым волнением и в то же время был тронут теплыми словами генерала Дитерихса и вниманием к его заслугам Колчака. Он начал говорить, еще более волнуясь, и по временам на его больших глазах выступали даже слезы.

— Братше генерале, — отвечал он, причем я убедился, что он говорит по-русски довольно правильно, имея лишь акцент, присущий большинству западных и южных славян и особенно сказывающийся в невозможности произношения твердых букв, — ты знаешь, что я был одним из первых, признавших на территории Сибири адмирала Колчака как Верховного правителя и, думаю, знаешь также, как я ему и его делу предан и как им служил и служу. Что я люблю Россию, я думаю, я доказал достаточно тем, что оставил службу в родных мне рядах и добровольно пошел служить русскому делу в рядах Сибирской армии. Но то, что делается с армией, — не поддается никакому рассказу. Генерал Лебедев да и вся Ставка вообще точно нарочно поставлены большевиками, чтобы испортить все дело. Армией не управляют, а мешают ей действовать. Всякая самостоятельность подавляется и считается самовольством. Мне отдают приказы из Омска: как я должен действовать у Перми и, если я успеваю в этом, то только потому, что не слушаюсь посылаемых мне приказаний. Когда я беру Пермь, я захватываю там большие запасы, но мне их не дают, а отвозят в тыл и их там не получают и другие армии. Всякое мое представление в Ставку о том или другом получает отказ и мне шлют выговоры. В последнее время был отдан ряд приказаний, которыми брали от меня мои лучшие части и посылали их в другие армии, чтобы там без толку погубить их. Такое управление озлобляет всех в армии, и часто приходится слышать, что все это делается в руку большевикам. Мое терпение истощилось, я неоднократно доносил о том, что так можно погубить все дело, но меня не слушают или, вернее, не хотят слушать. Я глубоко убежден, что при таком управлении армией мы скоро принуждены будем отступить к Уралу, а, может быть, и далее. Я думал, что Лебедев, в целях чисто

эгоистических, умышленно не докладывает Верховному правителю мои соображения, и потому несколько раз доносил и лично докладывал адмиралу, но результат получался тот же самый. Вот почему я и решил теперь отправить телеграмму Вологодскому. Ее теперь уже нельзя было оставить без внимания, так как она стала достоянием гласности. Я знаю, что я совершил крупный дисциплинарный проступок, но мне ничего другого не оставалось. Оставление Лебедева на его посту, к которому он совершенно не подготовлен, как и многие из его сотрудников, поведет к тому, что кампания будет проиграна. Даже, если его и сменят, то другим вряд ли удастся исправить положение. Вот все, что я имею сказать...

Было уже около десяти часов вечера, когда мы подъехали к дому Верховного правителя, и, так как у него в эту минуту не было никого, то дежурный адъютант немедленно же провел нас в его кабинет. Адмирал был за письменным столом и читал какие-то бумаги, но, увидев нас, немедленно встал и, отложив чтение, поздоровался. На лице его было написано нетерпение и любопытство, но расположение духа было, видимо, хорошее, и он даже улыбнулся.

— Ну, какое же у вас впечатление от всего этого прискорбного инцидента? — сказал Колчак и пригласил нас сесть и закурить.

— Я прямо поставлю вам вопрос, — продолжал он, — должен ли и, главное, может ли оставаться на своем месте генерал Гайда?

Генерал Дитерихс, как старший, доложил адмиралу, что, по соображениям комиссии, Гайда должен и может остаться на месте Командующего армией. Колчак одобрительно кивнул головой и, видимо, остался доволен, когда ему было передано все сознание Гайдою его проступка и уверение в преданности Верховному правителю и его делу.

— Ну, хорошо, но как же быть тогда с начальником штаба? Может ли, при условии, что Гайда останется на своем месте, оставаться генерал Лебедев? — спросил Колчак.

— Мое мнение, — отвечал Дитерихс, — что и генерал Лебедев может и должен остаться на своем месте. Этого требует дисциплина и необходимость поддержания ее. Нельзя, чтобы незаконное желание одного подчиненного выполнялось путем ухода другого. Пока, повторяю, генерал Лебедев должен остаться. С другой стороны, не могу не доложить, что мнение комиссии по вопросу об управлении армией и действиях Ставки в оперативных и военно-административных вопросах, как это ни странно, сошлось во взглядах с генералом Гайдой, и совершенно не в пользу Ставки. Последнее сделано столько и таких серьезных ошибок самого элементарного характера в деле управления войсками, что повторение их, в другой раз, может сулить катастро-

фу, и надо благодарить Бога, что последняя не произошла. Однако, уход генерала Лебедева теперь же был бы нежелательным не только по соображениям дисциплинарного характера, но и по личным моим соображениям, которые вам известны.

Намек, который сделал генерал Дитерихс, нам был понятен, так как еще до нашего расследования в Ставке ходили слухи, что в случае ухода Лебедева его заменит, будто бы, Дитерихс, и последний отнюдь не хотел, чтобы Лебедев был смещен немедленно, так как в таком случае получалось бы представление, что он ушел из-за интриги Дитерихса против него.

Колчак и этим, видимо, остался чрезвычайно доволен и спросил снова.

— Итак, и генерал Лебедев, и генерал Гайда должны пока остаться на своих местах. Но ведь это будет для них не совсем удобно. Кроме того, Гайда, хоть и останется на своем посту, но все же должен получить возмездие за свой безобразный поступок.

— Чтобы они не чувствовали себя неловко, — отвечал Дитерихс, — вам достаточно выразить и тому, и другому ваше категорическое желание, чтобы они оставались на своих местах, а Гайде, кроме того, вы можете сделать выговор за его проступок, а выговор, сделанный вами, будет для него достаточным наказанием, и инцидент будет окончательно исчерпан, хотя я и не скрываю, что, зная Гайдю, не исключаю возможности его повторения, — отвечал Дитерихс.

— Да, это и я думаю, и тогда, конечно, уже не будет иного исхода, как с ним расстаться, — сказал Колчак. — Благодарю вас, господа, за вашу работу — компетентную и умелую, и, так как уже поздний час, а вы все, думаю, устали, то прошу ко мне выпить чаю и закусить.

Мы вошли в довольно большую, хорошо меблированную столовую, среди которой был накрыт большой стол с сервированным, весьма скромным, но прекрасно приготовленным ужином и дымившимся самоваром. Кроме нас в столовой находился только чиновник для поручений, заведывавший хозяйственной частью у Верховного правителя и в шутку называвшийся окружавшими «гофмаршалом» и теперь игравший роль хозяйки. Адмирал сел на конце стола, пригласив сесть по старшинству, то есть Дитерихса — по правую руку от себя, меня — по левую руку, а генерала Матковского — правее Дитерихса. Чиновник особых поручений занял место левее меня. Адмирал предложил выпить водки и закусить, и у нас завязалась довольно оживленная и интересная беседа. Колчак, в частном обращении имевший свойство очаровывать людей, у себя в доме, в качестве хозяина, был

особенно приятен: он был в отличном расположении духа, шутил, смеялся, и беседа шла совершенно непринужденно, причем каждый забывал, что он говорит с лицом, поставленным судьбою на такой высокий пост, а казалось, что находишься в доме гостеприимного, простого и радушного обыкновенного моряка. <...>

После этого наша беседа продолжалась еще некоторое время и лишь около полуночи мы расстались с Верховным правителем и отправились по домам, причем я вынес самое лучшее впечатление от адмирала Колчака как частного человека и хозяина.

